

Мамедов Джаббар Манаф оглы

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ОТНОСИТЕЛЬНО РОДИНЫ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн-Юсуф ибн-Зеки (около 17–22.08.1141 г. Гянджа [Sanja], Азербайджан, — 12.03.1209, там же) — величайший поэт, мыслитель и философ Азербайджана, яркий представитель Восточного и мирового Ренессанса. Безвыездно жил и творил в родном городе Гяндже. Был близок ко двору династии Атабеков — *Ельдегизидов* (1137–1225 гг.), правителей Азербайджана, но от предложений стать придворным поэтом отказывался, довольствуясь небольшими пособиями, которые ему назначали правители Азербайджана. Около 1173 г. женился на тюркской (кипчакской, половчанской) девушке Афак (*Аннак*), которую воспел в своих стихах. О его поистине энциклопедическом образовании свидетельствуют обширные познания в математике, астрономии, химии, философии, медицине, истории. Основное сочинение Низами Гянджеви — «Пятерица», состоит из 5 поэм: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искандар-наме». Сохранилась также часть лирического дивана.

«Пятерица» оказала огромное влияние на развитие многих восточных литератур. На произведения Низами было написано более сотни ответов-подражаний (*назира*) на азербайджанском, узбекском, персидском, турецком, арабском и других языках. Его творчество — вклад в литературу не только Востока, но и Запада: Гете считал Низами одним из семи гениальных поэтов всех времен и народов [25, с. 336]. Г. Гейне говорил: «Германия имеет своих великих поэтов <...> Но что они по сравнению с Низами» [25]. В тяжелые дни блокады в октябре 1941 г. осажденный Ленинград отмечал 800-летие поэта [13]. Сегодня в Санкт-Петербурге воздвигнут пятиметровый бронзовый памятник Низами [28]. Рукописи его произведений хранятся в крупнейших рукописных фондах мира. Поэзия Низами Гянджеви оказала огромное влияние на литературы и изобразительное и декоративно-прикладное искусство народов Ближнего и Среднего Востока. Произведения живописи, иллюстрирующие поэмы Низами, хранятся в Британском музее (Лондон), Лувре (Париж), Музее изящных искусств (Бостон), Музее Топканы (Стамбул), Третьяковской галерее (Москва) и др.

В Гяндже на могиле Низами Гянджеви еще с XIII в. был построен гумбез (*купол*), а в XX в. на его месте был воздвигнут монументальный мавзолей, который посещают десятки тысяч любителей гениальной поэзии Низами.

О месте рождения Низами Гянджеви

До XVII в. ни у кого не было сомнений в том, что Низами родился, безвыездно жил и умер в Гяндже (откуда и происходит его прозвище Гянджеви, т.е. из Гянджи). В самых достоверных сборниках биографий поэтов, таких как «Ауфи Садид-ад-дин» (XIII в.) и

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о ведущей роли Ганджи XII в. в культурной жизни Азербайджана. Понятно, что она стала родиной поэта, имеющего право на одно из почетных мест в истории мировой литературы—гениального Низами.

* * *

Ильяс-Юсуф-оглу известный под поэтическим псевдонимом (техаллус) Низами, родился в Гандже около 1140/41 г. Уточнить эту дату пока возможности еще нет, так как биографические сведения о нем довольно скудны и все наиболее достоверное извлекается преимущественно из его же произведений.

О Гандже Низами в своих произведениях упоминает весьма часто, его „нисба“, т. е. прозвище, указывающее на происхождение, всеми лучшими источниками указывается в форме Ганджеви, т. е. Ганджинский. Правда, некоторыми европейскими ориенталистами делались попытки, на основании поздних персидских источников, связать или самого Низами, или его род с городом Кум (в Иране), но эти попытки приходится отвергнуть. Они покоятся на строчке во второй части „Искендер-намэ“, где Низами якобы упоминает о Куме. Но строка эта, как уже было отмечено английским востоковедом Риё—позднейшая вставка и Низами не принадлежит. Это утверждение Риё вполне подтверждается и нашими материалами. В лучшей и старейшей из известных мне рукописей Низами, принадлежащей Национальной библиотеке в Париже и датированной 763 г. х. (1360 г. н. э.), этой строки также не имеется.

О семье Низами мы почти ничего не знаем. Единственное, что можно утверждать с уверенностью это то, что в момент написания поэмы „Лейли и Меджнун“, т. е. в 1188 г. отца его в живых уже не было. Не было в это время уже и матери поэта—„курдской госпожи“, как ее называет Низами. Самый характер его творчества, все направление его мысли позволяет с

Факсимиле из книги Е.С. Бертельса о Низами [8]

«Доулатшах Самарканди» (XV в.) городом рождения Низами указывается Гянджа, в которой он жил практически безвыездно и в которой умер.

После одного комментария в биографическом сочинении «Атешкида» («*Atashkadah*») Хаджи Лютф Али Бека (XVIII в.) появились сомнения, начались разногласия. В частности, за основу утверждения о том, что Низами родился не в Гяндже, а в городе Куме, взяты строки из сборника «Атешкиде», цитирующие такой куплет из рукописей «Искендер-наме»:

Хотя я затерян в море Гянджи, словно жемчужина,
Но я из Кухистана (букв. «Горной страны»), города Кум,
В Тафрише (*Tafrish*) есть деревня, и свою славу (букв. «свое имя») Низами стал искать оттуда.

Художественное изображение Низами на ковре
(музей в Гяндже)

Памятник Низами
в Санкт-Петербурге

До нас дошел единственный экземпляр «Атешкиды» Хаджи Лютф Али Бека. У этого экземпляра вырваны первые четыре страницы биографии Низами, и книга начинается прямо с «Кумской гипотезы». А что было на вырванных страницах и как комментировал «Кумскую гипотезу» сам Хаджи Лютф Али Бек — неизвестно.

Некоторые исследователи трактуют этот куплет в «Атешкида» так: якобы Низами родился в Иране, в 72 км на юг от Тегерана, где расположен город Кум (*Qom* или *Kim*).

Сомнения были разрешены еще в первой половине XX в. после академического подхода к этой проблеме. В XX в. авторитетные востоковеды, занимаясь этим вопросом, выявили, что в старейших рукописях «Искандер-наме» этой строки нет, а вставка их в поздние варианты «Искандер-наме» — фальсификация.

Авторитетный низамивед акад. Е.Э. Бертельс писал: «Эта строка, как уже было отмечено английским востоковедом Риё — позднейшая вставка и Низами не принадлежит. Это утверждение Риё вполне подтверждается и нашими материалами. В лучшей и старейшей из известных мне рукописей Низами, принадлежащей Национальной библиотеке в Париже и датированной 763 г. хиджри (1360 г. н.э.), этой строки также не имеется» [8, с. 26; Эта мысль повторяется и в других его работ: 10, с. 304; 11, с. 67; и др.].

Переводчица произведений Низами на армянский язык Мариэтта Шагинян также утверждала, что упоминание города Кума — всего лишь поздний вымысел и Низами Гянджеви принадлежит Азербайджану: «Это поздние вставки идеологически мотивированных переписчиков в одну из поэм поэта, и проще говоря, фальсификация» [18, с. 19]. Как дополнительное доказательство того, что Гянджи — родной город поэта, М. Шагинян приводит такие слова Гете — одного из самых ранних поклонников творчества азербайджанского поэта в Европе: «Вообще же он (Низами) вел, соответственно своему спокойному занятию, спокойную жизнь под Сельджукидами и был похоронен в своем **отечественном** (родном) городе Гяндже» [18, с. 50].

Азербайджанский низамивед проф. Рустам Алиев, более подробно анализируя эти строки со стилистической точки зрения, выявил достаточно существенные изъяны: «... Как доказали В. Дастгирди, Е.Э. Бертельс и С. Нафиси (курсив наш. — Дж. М.), сообщение о том, что якобы Низами родом из Кума, помещено на основе двух бейтов, внесенных в текст “Искандер-наме” (“Икбал-наме”) впоследствии, видимо, патриотами города Кума и поклонниками Низами. Приведем подлинный текст этих бейтов:

Низами, открой замок сокровищницы,
До каких пор и доколь ты будешь пленником Гянджи (сокровищницы)?
Выложи, если ты уложил какую-нибудь дичь,
Пускай [ее] в хождение, если накопил сокровищницу.

Текстолог, знакомый с особенностями поэтики Низами, сразу заметит, что здесь поэт обыгрывает лексическое значение слово “гянджа”, которое обозначает “сокровищница”».

Если более понятно передать смысл этих строк, то он будет таков: «До каких пор ты будешь оберегать сокровищницу своих мыслей в этом городе-сокровищнице (Гяндже)! Покажи всем, что если ты поймал в этом море мыслей редкую дичь, улов (поэтический образ), сделай доступной всем людям эту сокровищницу мыслей, которую ты накопил». Здесь мы видим также и повторение излюбленной жалобы Низами: «До каких пор ты будешь пленником Гянджи, вырвись из нее на арену мира».

Эти бейты тесно связаны между собой общей мыслью, составляют единое целое. Однако это не помешало последующим переписчикам-интерполяторам (патриотам Кума) вставить между цитируемыми бейтами еще два двустишия:

Подобно жемчужине, я затерян в море Гянджи,
Но я из Кухистана, города Кума.
В Тафрише есть деревня по имени «Та»,
Низами оттуда стал искателем [славного] имени.

В этих четырех вставных строчках содержится сразу несколько вопиющих ошибок. Неправильно написано слово «Кухистан», город Кум не имел никакого пригорода, области или округа под названием «Кухистан». Наконец, самое главное, «как показало сравнение текстов “Икбал-наме”, ни в одном из древнейших списков поэмы этих строк нет» [4, с. 23–24].

Кроме этого некоторые востоковеды [5, с. 98; 27, с. 132–145; и др.] обратили внимание на логические ошибки в подходе «Атешкида». Они заявили, что если даже то, о чем говорится в «Атешкида», правда, из этого куплета не вытекает однозначного вывода, что речь идет об иранском городе Кум. Может, имелся в виду другой город Кум? На Востоке есть несколько местностей с таким названием. Например, недалеко от Гянджи (в 116 км) по сей день имеется населенный пункт Кум, который до VII–VIII в. был большим городом.

Какие народности жили в XII в. в Гяндже?

Тюркоязычные народы — киммерийцы (VIII–VII вв. до н.э.), скифы (VIII–VI вв. до н.э.), саки (до I тыс. до н.э.), а потом хазары (IV–X вв. н.э.) — издавна жили на территории Азербайджана. Значительное присутствие тюрков по всему Кавказу и в Азербайджане (в том числе Северном — в Арране) уже в V в. признается византийскими, грузинскими, арабскими, русскими/советскими учеными и летописями (А. Артамонов, С. Такайшвили, Феофилакт Симмокатта), а также армянскими летописцами (см., напр.: Фавстос Бузанд «История Армении», или «История халифов» Гевонда) [20].

Известный арабский историк X в. Ибн Джарир ат-Табари, повествуя о событиях VII в., в I томе своего труда «История царей и пророков» пишет: «Хишам бин Мухаммед ал-Калби <...> отправил свою конницу <...> в Азербайджан. В то время Азербайджан был в руках тюрков. Он вступил в сражение с тюрками...» [3]. То есть Азербайджан уже в VII в. был известен как тюркская страна.

«...Ибн Азрак в 1070 году писал, что “Гянджа является великой столицей тюрков”. Якут ал-Хамави (побывавший в Азербайджане в 1213 и 1220-х гг.) пишет: “Мукан — область, в которой много сел и пастбищ. Она заселена туркменами, которые пасут здесь свои стада, и туркмены составляют здесь большинство населения”. Мас’уд ибн Намдар (XII в.) в “Сборнике рассказов, писем и стихов” подчеркивает, что восстание в Байлакане подняли и возглавили тюрки. В данном произведении, написанном в 1111–1112 гг., подчеркивается преобладание тюркского этноса в аррано-байлаканских событиях. Знаменитый историк Хорезм-шаха Джалал-Дина Мангыбурни Насави неоднократно отмечал, что “в Арране и Мугане тюрки, словно муравьи, неисчислимы” [3; а также здесь: 16, с. 389; 25]. Азербайджанский ученый З.А. Кули-заде, комментируя эти выска-

звания, пишет, что за короткий срок не могли бы тюркские «кочевники» стать большинством и при этом еще и добиться доминирования своего языка в Азербайджане. Они издавна жили в Азербайджане [17, с. 110–111].

Устами Александра Македонского Низами сам сообщает: «От Хазарских высот до Китайского моря, Всю землю я вижу полной тюрков» [22, с. 295; 29].

Более подробно о тюрках в ту эпоху можно прочитать в исследованиях [6; 12].

О своей национальности Низами сам и сипатии к тюркству в его произведениях

Не сломят меня эти бессердечные,

Я жалуясь тем, которых еще нет на свете,

Моего тюркства в этой Абиссинии не признают (букв. «не покупают»)

И поэтому не едят моей вкусной крошки.

(Низами Гянджеви «Семь красавиц», юбилейное издание 1981–1985 гг., с. 71)

Проф. Рустам Алиев, так комментирует этот стих: «Этот бейт, содержащийся во всех изданиях и не вызывающий никакого сомнения в подлинности, прежде всего говорит о том, что Низами по национальности был тюрком (азербайджанцем). Жалуясь на жителей Гянджи, которую в приступе отчаяния он сравнивает с Абиссинией, употреблявшейся в тогдашней литературе как символ мрака, невежества и мракобесия, поэт хочет сказать, что он тюрк и его красивые, прекрасные стихи, вкусные, как национальная пища тюркских народов, не ценятся на его родине, ибо желудки титулованных покупателей неспособны переварить такой прекрасной еды, как дугба (окрошка)» [21, с. 24–25].

«Я — жестоко осажденный в городе **родном...**» (Низами Гянджеви «Семь красавиц», М., 1959, с. 376).

Держава тюрков, которая возвысилась,

Обрела власть благодаря любви к справедливости.

Раз ты творишь беззаконие (тиранию)

То ты не тюрк, а вор-индус.

(Низами Гянджеви «Сокровищница тайн»: Рассказ про старуху и Султана Санджара).

Комментарий акад. Е.Э. Бертельса: «Здесь сельджукская знать противопоставляется старой иранской аристократии, которая, очевидно, по мнению Низами, к справедливости не стремилась» [9, с. 193].

«Если он Луна, тогда мы Солнце, Если он Кейхосров, тогда мы — Афрасиабы» (Низами Гянджеви «Хосров и Ширин». Из главы «Завещание Михин Бану»).

Комментарии: Кейхосров — древнеиранский, Афрасиаб — победивший его древнетюркский падишах. Низами поэтически сравнивает их: Кейхосров = Луна, а Афрасиаб = Солнце. Персидский поэт не унизил бы или же не уменьшал бы цену героя-правителя «своего» (иранского) народа перед героем-правителем другого (тюркского) народа.

Акад. Ю.Н. Марр (востоковед, сын акад. Н.Ю. Марра) писал: «Неизменный образ “тюрчанки” как поэтический символ женской красоты <...> многочисленные афорис-

тические выражения, языковые обороты, характерные именно для тюркского (азербайджанского) фольклора, народного языка (на что часто указывают специалисты), многие прямые указания и намеки самого поэта, — все это обличает в Низами азербайджанского поэта, говорит о глубоких народных корнях его творчества. Недаром представители персидской интеллигенции, филологи признают, что “Низами — не персидский поэт, он жил и работал в азербайджанской среде, и стихи его непонятны персу” [19, с. 266].

Известный иранский низамивед Вахид Дастгирди писал: «По обычаю тюрков тело Низами было похоронено в гробнице» [2, с. 26].

Как известно, поэму «Лейли и Меджнун» Низами писал по заказу Ширваншаха Ахсатана (1160–1191). В его письме поэту содержатся такие строки: «Мы высокородные цари и исполняем свое обещание, мы верны своим словам и не поступаем так, как низкородные тюрки — султан Махмуд и Кызыл-Арслан, по отношению к тебе. Поэтому ты создай нам подобающие нашему высокому роду, высокие, а не грубые “тюркоподобные” слова». Комментируя их, академик И.Ю. Крачковский писал: «Это было не столько этническим самовыражением, сколько выражениями амбиции правителя. Несмотря на политическую подоплеку I Ахсатана, его оскорбительные слова задели поэта. Низами реагировал на этот вызов очень яростно и ответил с возмущением. Трудно представить более утонченной издевки по адресу Ширваншаха, чем та, которую содержит в ответе Низами. В расшифровке она звучит так: “хотя ты поднаторел в государственных делах, но ты еще не стал человеком, ибо у тебя нет ни черт вождя, ни свойств полководца, ни достоинств богатыря, ни способностей бойца-героя, ни величия души, ни мудрости, ни справедливости, ни правосудия, ни благородной внешности, ни искренности” и т.д. В конце призыв “становись тюрком” дан в условном контексте “если сможешь”.

Это свидетельствует о том, что поэт специально подчеркивал неспособность Ахсатана стать таковым (тюрком). Более убийственного ответа на выпады Ахсатана против тюрков, пожалуй, никто, кроме Низами, не смог бы дать» [15].

Будучи патриотом Азербайджана, Низами Гянджеви переносит действие многих эпизодов своих поэм на территорию своей родины: в своих произведениях Низами приводит в Азербайджан великого полководца Александра Македонского, который в действительности не бывал там. Героиню известной арабской легенды «Лейли и Меджнун» Лейли в своей поэме (в главе «Лейли отправляется гулять по саду») объявляет тюрчанкой, говоря о тюркское происхождение племени Лейли: «Звали их турчанками, поселившись у арабов, / Ибо турчанки с арабским станом прекрасны» [23, с.10; 14, с. 106], в другом месте говорит устами Меджнуна: «Турчанку, для которой я являюсь нерасторопной дичью» [23, с. 10; 14, с. 93] и т.д.

Имеет ли Низами отношение к Ирану

Исходя из научных фактов все советские востоковеды признали Низами азербайджанским мыслителем, и во всех советских академических изданиях, энциклопедиях Низами представлялся именно так. Но на Западе под влиянием «Атешкиды» по инерции продолжали (и продолжают) считать Низами иранским или же персидским поэтом (см., напр., [24]). А это связано в основном со следующими доводами: во-первых, «открытие Бертельса» было сделано в 1930-х гг., т.е. тогда, когда весь мир был занят более актуальными проблемами, в том числе экономическим кризисом и предстоящей

угрозой войны с Германией. А после войны хаос, голод, разруха, траур в каждой семье. На Западе было не до Низами даже после 1950-х гг. Из-за политических интриг достижения советских ученых не распространяли на Западе, не признавали их или же игнорировали, уменьшали их вклад в науку, если каким-то образом эти открытия доходили до европейских читателей. Лично нам не известна ни одна публикация на Западе, посвященная анализу «Кумской гипотезы» или же «открытию Бертельса». Русский язык (и наука голодной страны рабочих) до Второй мировой войны был не так уж популярен в Европе, чтобы повлиять на научные воззрения. Поэтому откуда знать западным читателям, что «Кумская гипотеза» уже опровергнута, если по этому вопросу там никогда ни вышло ни одной статьи?

Во-вторых, одно из самых авторитетных изданий в Европе — Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, написанная в 1897 г., — представило Низами европейской аудитории как персидского поэта [26] исходя из воззрений XIX в. Это издание продолжает перепечатываться во всем мире по сей день в первоначальном виде, пользуется авторитетом, т.е. продолжает распространять устаревшие сведения о Низами, несмотря на то что автор статьи о Низами в этой энциклопедии академик Крымский после «открытия Бертельса» изменил свою точку зрения относительно национальности Низами: «Теперь, более чем четверть столетия спустя, — писал Крымский после открытия Бертельса, — я эти страницы считаю, конечно, устарелыми в отдельных пунктах <...> Я уже счел нужным частично видоизменить кое-какие свои прежние мнения по вопросам биографии Низами на основании новых моих соображений (курсив мой. — Дж. М.) [16, с. 65]. «Несмотря на персидский язык своих произведений, Низами всецело остается поэтом своего родного Азербайджана, и историю развития азербайджанской литературы надо начинать не с того момента, когда азербайджанцы стали писать по-тюркски, а с более ранних литературных явлений, привлекая сюда и Низами, и других местных авторов, хотя они писали на фарси...». [16, с. 92]. «Надо твердо осознать и признать: азербайджанец Низами, конечно, есть родной азербайджанский поэт, которым Азербайджан может по праву гордиться» [16, с. 93].

Со своей стороны мы сможем добавить, что не только при жизни Низами, но и за последние 500 лет до его рождения и 700 лет спустя после его смерти не существовало государства под названием «Иран» или «Персия», что делает вообще смехотворными попытки представить его в качестве «персидского» поэта. Низами Гянджеви жил ориентировочно с 1141 по 1209 г., а Иран (Сасанидская Персия — 224–651 гг.) перестал существовать еще за 500 лет до его рождения после победы мусульманских войск над армией Йездегерда. Название «Иран» было «реанимировано» лишь в 1935 г., 700 лет спустя после смерти Низами Гянджеви, и в настоящее время закреплено за страной. Не только при Низами Гянджеви, но и вообще вплоть до XX в. этот регион (временами — от Индии до Йемена) управлялся исключительно тюркскими (большей частью азербайджанскими в современном понимании) династиями, сменявшими друг друга. Последняя из них, династия Каджаров, была свергнута в 1925 г. Персидский язык в то время был «международным» языком литературы, так же как арабский был языком науки, а тюркский — военного дела.

Родина Низами город Гянджа никогда не входил в состав Персии. В работах Низами нигде не говорится, что он или его отец были персами. Весь период своей истории Гянджа последовательно входила в состав разных азербайджанских государств: в государство Гамир — созданного тюркоязычными киммерийцами, Ишгуз — созданного тюр-

коязычными скифами, Сакасена — созданного тюрками саками, Албанию — созданного тюрками-албанами. После выхода Азербайджана из состава Арабского халифата Гянджа управлялась тюркскими династиями Саджидов и Саларидов, далее с середины XII в. по середину XIII в. Гянджа была резиденцией государства Атабеков или же тюркской династии Ильдегизидов. В XIV–XV вв. Гянджа управлялась тюркскими династиями Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, а далее тюркской династией Сефевидов. Это были тюркские государства, и современный Азербайджан является их наследником.

Почему Низами писал по-персидски?

Как уже отмечалось, Низами писал не на родном азербайджанском, а на персидском языке. Это объясняется тем, что в тот период персидский язык был своего рода международным языком, «...на Востоке можно было бы скорее прославиться и распространить свои воззрения в различных странах посредством персидского и арабского языков. Для того чтобы созданные им творения не затерялись, он был вынужден следовать требованиям литературного письменного языка своей эпохи» [14, с. 93–100].

«...Все это вместе взятое заставляет пересмотреть укрепившиеся в востоковедении взгляды на персидскую литературу. До сих пор под персидской литературой обычно понимают все, что написано на персидском языке, вне зависимости от того, где и в каких условиях эта литература сложилась. Затем весь этот сложный комплекс приписывают Ирану, понимая под этим ту политическую единицу, которая носит это название в данное время. Однако такое перенесение понятия XX в. на тысячу лет назад, конечно, методологически грубо, неправильно. Персоязычная литература сложилась не только на территории современного Ирана, в ее создании принимали участие десятки различных народов. Если мы попытаемся ограничить персидскую литературу только именами тех авторов, которые жили на территории теперешнего Ирана, то все это обилие у нас рассыплется, и в руках почти ничего не останется. Как нельзя сельджукское государство считать Ираном только потому, что в состав его входила, между прочим, и территория современного Ирака, так и связывать персидскую литературу с этой территорией, превращать ее в литературу Ирана — неправильно. Если мы внимательнее присмотримся к этой литературе, скажем, сельджукского периода, то мы увидим, как в ней складываются круги: среднеазиатский, хорасанский, закавказский и др. Работы в этом направлении до сих пор почти не велось, она сложна и требует полного овладения тем наследием, которое до нас дошло, что пока еще литературоведами далеко не достигнуто» [8, с. 16–17].

«...Азербайджанский регион, где Низами жил и писал, в его время только сравнительно недавно стал сценой значимой литературной деятельности на персидском языке. Поэзия на персидском сначала появилась на Востоке, где в X и XI вв. процветала во дворах у Саманидов в Бухаре и их преемников (тюркской империи) Газневидах, сконцентрированных в восточном Иране и Афганистане. Когда в 1040 г. тюрки-сельджуки распространили свою власть западнее, в Ирак, который был преимущественно арабоязычным, то и персоязычная поэзия также распространилась западнее в султанский двор тюрков-сельджуков. Когда в XII в. сельджуки расширили свой контроль в регионе, их наместники, фактически автономные местные принцы, поощряли персидскую письменность. К середине XII в. много важных поэтов обладали и пользовались их пат-

ронажем, и там разработался отчетливый “азербайджанский” стиль поэзии на персидском языке, который контрастировал с “хорасанским” или “восточным” стилем в своей риторической сложности, прогрессивном использовании метафоры и технической терминологии и изображений христианства» [1].

Со своей стороны мы можем добавить, что до X в. весь Восток писал на арабском языке, но никто всех, кто писал на арабском, не считает арабами. До нашествия монголов весь Восток писал на фарси — из этого не вытекает, что все они персидские ученые или поэты. После XIV в. весь Восток писал на тюркском — и это не означает, что все они тюркские ученые или поэты. В средневековой Европе точно так же языком науки считалась латынь. Юрист ли, врач ли, независимо от того, где он жил и кем был, писал свой труд на латыни. Но ведь никто не называет из-за этого римлянином, скажем, англичанина Уильяма Гарвея (1578–1657), публиковавшего все свои труды на латыни 1200 лет спустя после падения Римской империи.

Кроме Низами в тот период писали на фарси и другие всемирно известные азербайджанские мыслители, например Гатран Тебризи (1010–1080), Хагани Ширвани (1126–1199), Мехсети Гянджеви (1089–1183), Абу-ль-Ала Гянджеви (XII в.), Иззаддин Ширвани, Фелеки Ширвани (1126–1160), Муджир ад-Дин Байлакани (?–1190) и др. А до этого прославились на всем Востоке такие мыслители Азербайджана, как Муса Шахават (VII–VIII вв.), Исмаил ибн Йассар (VII–VIII вв.), Абу-л-Аббас ал-Ама (?–718), Абубакр Ахмед Бардиджи (?–914), Абусаид Ахмед Бардаи (?–929.), Абулгасан Бахманйар ал-Азербайджани (?–1066), Ейналгузат Миянаджи (1099–1131), Хатиб Тебризи (1030–1108) и др., написав свои произведения на арабском языке.

Литература

1. *Meisami J. S. The Haft Paykar: Medieval Persian Romance* // Oxford University Press: Pr. (T), New York, 1995. URL: <http://www.azargoshnasp.net/famous/nezami/nezamijuliascott.htm> (дата обращения: 15.12.2009)
2. Vəhid Dəstgiri. Nəkim-e Nizami Gəncəvi — “Gəncəyī Gəncəvi”. Be teshihi ostadi soxən. Tehran, 1335 (хиджри).
3. *Алекперли Ф.* Роль тюрков и тюркизма в истории Азербайджана // URL: <http://www.proza.ru/2009/08/17/225> (дата обращения: 15.12.2009).
4. *Алиев Р.* Поэма о бессмертной любви. Баку: Язычы, 1991. 184 с.
5. *Араслы Г.* Низами. Баку: Елм, 1985. 208 с.
6. *Асадова Ф. М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм, 1993. 144 с.
7. *Багиров А.* Присвоение и отторжение культурного и исторического наследия Азербайджана иранским и армянским правительствами на примере великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. URL: <http://www.zerbaijan.com/NizamiGanjavi.htm> (дата обращения: 15.12.2009).
8. *Бертельс Е. Э.* Великий азербайджанский поэт Низами. Баку: АзФАН, 1940. 147 с. URL: <http://volga.mylivepage.ru/file/?fileid=4589> (дата обращения: 15.12.2009).
9. *Бертельс Е. Э.* Избранные труды: Низами и Фузули. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. 553 с.
10. *Бертельс Е. Э.* Низами. М.: Молодая гвардия, 1947. 304 с. (ЖЗЛ).
11. *Бертельс Е. Э.* Низами. Творческий путь поэта / Отв. ред. Б.Н. Заходер. М.: АН СССР, 1956. 263 с.
12. *Будаев Н. М.* Западные тюрки в странах Востока. Нальчик, 2002. URL: <http://buday.narod.ru/> или <http://www.balkaria.info/library/b/budaev/turki/turki.htm> (дата обращения: 15.12.2009).

